

84Р6
К89

Лев Кузьмин

Дом с колокольчиком

М. Machaon

Лев Кузьмин

Дом с колокольчиком

Стихи и рассказы

Художник *Анатолий Елисеев*

Москва
«Махаон»
2015

УДК 821.161.1-(081)-93
ББК 84(2Рос=Рус)6
К89

Кузьмин Л.И.

К89 Дом с колокольчиком : стихи и рассказы / Л.И. Кузьмин ; худож. А. Елисеев. – М. : Махаон, Азбука-Аттикус, 2015. – 112 с. : ил. – (Лучшие книжки девочкам и мальчишкам).

ISBN 978-5-389-08031-7

Лев Иванович Кузьмин (1928–2000) известен своими произведениями для детей всех возрастов. Есть у него рассказы для младших школьников, есть повести для школьников постарше, а есть произведения для совсем маленьких читателей – весёлые, озорные стихи и добрые, удивительно тёплые рассказы. Писатель обладал прекрасным художественным слогом, умел о самом простом рассказать ярко, образно, увлекательно. А сколько фантазии, выдумки в его стихах, какой простор для воображения!

Книгу «Дом с колокольчиком», в которую вошли замечательные стихи и рассказы Льва Кузьмина, просто необходимо прочитать детям. Это книга-подарок! А то, что её нарисовал заслуженный художник России, мастер книжной иллюстрации Анатолий Елисеев, чьи картинки великолепно гармонируют со стихами и рассказами, – подарок вдвойне!

**УДК 821.161.1-(081)-93
ББК 84(2Рос=Рус)6**

ISBN 978-5-389-08031-7

© Кузьмин Л.И., наследники, 2014
© Елисеев А.М., иллюстрации, 2014
© Оформление. ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2014
Machaon®

ЧУДО ЧУДЕСНОЕ

СТИХИ

Ванечка

– Здравствуй, Ванечка-Ванёк,
Дорогой наш паренёк!
Где ты бегал, пропадал?
Что хорошего видал?

– Бегал я с утра в овражек,
Повидал зелёных пташек.
Раньше всех они встают,
Песню громкую поют.

– Милый Ванечка-Ванюша!
Нам бы тоже их послушать...
Спой ту песню! Удружи!
Что за пташки, расскажи.

– Эти пташки-невелички
Любят шлёпать по водичке!
Ну а песня такова:
«Ква-ква-ква!»
Да «ква-ква-ква!».

– Эх ты, Ваня-простофиля!
Зря тебя мы похвалили!
Это вовсе не пичужки,
А горластые лягушки.

Путаник ты, Ванечка!

Как до небес добратся

Что нужно сделать, братцы,
Чтоб до небес добратся?

За стол сначала надо сесть,
Тарелку манной каши съесть,
Потом в зелёный лес пойти,
Большое дерево найти
И вверх
По крепким сучьям
Подняться к белым тучам.

А там
На тучу встать ногой,
Шагнуть на радугу – другой...
И вот
Уже нас не достать,
И небеса все наши!
Но, повторяю,
Начинать
Нам надо с манной каши.

Бумажный самолётик

– Эй, бумажный самолётик,
Расскажи, куда летишь?
Расскажи, зачем поднялся
Выше сосен,
Выше крыш?

– Я за речку,
Я за поле,
Я за синий бор лечу!
Я увидеть все на свете
Страны дальние хочу...

– Что ты! Что ты, самолётик!
Надвигается гроза...
В поле молнии сверкают,
Из-за речки выплывают
Чёрной тучи паруса.

Там вдали, за синим бором,
Ливни ходят полосой...
Воротись!
На тонких крыльях
Ты не справишься с грозой.

Но всё дальше самолётик
Мчит, над крышами скользя:
– Не печалься! Мне не страшно!
У меня кругом друзья!

Если частый град ударит,
Если тучи
Громыхнут,
Все мальчишки, все девчонки
Настежь окна распахнут!

И к ребятам прямо в руки
Я воробушком нырну
И на чьей-нибудь ладошке
Посижу и отдохну...

А когда с друзьями вместе
Яркой радуги дождусь,
На бумажных
Тонких
Крыльях
Снова в небо поднимусь!

Если бы да кабы

(Из русских народных сказок)

Шёл да брёл себе дурак
Через мост, через овраг.

Глядь, под ёлкой у дороги
Спит зайчишка длинноногий.

И дурак заулыбался,
И притих, и размечтался:

«Кабы я стоял на рынке,
А косой сидел в корзинке,
То глазастого зверюшку
Я сменял бы на индюшку,
А индюшку – на козлёнка,
А козлёнка – на телёнка,
А телёнка – на быка,
А быка – на рысака!

Ну а если есть рысак,
Что стоять без дела, так?

Надо свистнуть и галопом
Проскакать перед народом:

– Эй, народ! Посторонись!
На дороге не толпись!
Я поехал за невестой,
За княжной или принцессой!»

И дурак на самом деле,
Второпях да сгоряча,
Свистнул так, что из-под ели
Заяц задал стрекача!
Прямо в чащу, прямо в лес
Он удрал и там исчез.

– О-хо-хо! – сказал дурак. –
Был почти в руках рысак,
Да не так я дело начал,
Оттого и неудача...

Надо было за невестой
Ехать тихо, не спеша
В тарантасике двухместном,
Чуть колёсами шурша.

Надо было трогать с места
Не галопом, а шажком...
Ну да ладно!
До принцессы
Я дотопаю пешком!

Возвращение слона

Под солнцем палящим
Со склона
На склон
Идёт
По горам
Путешественник Слон.

Все земли прошёл он,
Все страны увидел,
Метлой подметал
Тротуары в Мадриде,
В Стамбульском порту
Пароходы грузил,
Но всюду, но всюду по дому грустил.

И вот наконец он совсем стосковался,
Купил чемодан и в дорогу собрался.

И вот он шагает,
Ушами трясёт –
Родным и знакомым
Подарки несёт.

А родина
С каждой минутой всё ближе,
А горные склоны
Всё ниже и ниже...
И кончился путь! И у светлой реки
Толпою встречают Слона земляки.

Они обнимают его и качают,
А он им –
Всем, всем! –
По подарку вручает.

Слонихе подносит духи и серёжки,
Слонёнку – портфель с букварём и сапожки,
Жирафу – пальто в золотистую клетку,
А Бегемоту – с помпончиком кепку.
И все благодарны, все рады вполне,
Но тут раздаётся:
– Простите! А мне?

А мне разве нет? –
Вдруг откуда-то вышла
И жалобно пискнула серая Мышка.
И сразу притих и сконфузился Слон.
– Какой я бессовестный! – вымолвил он.

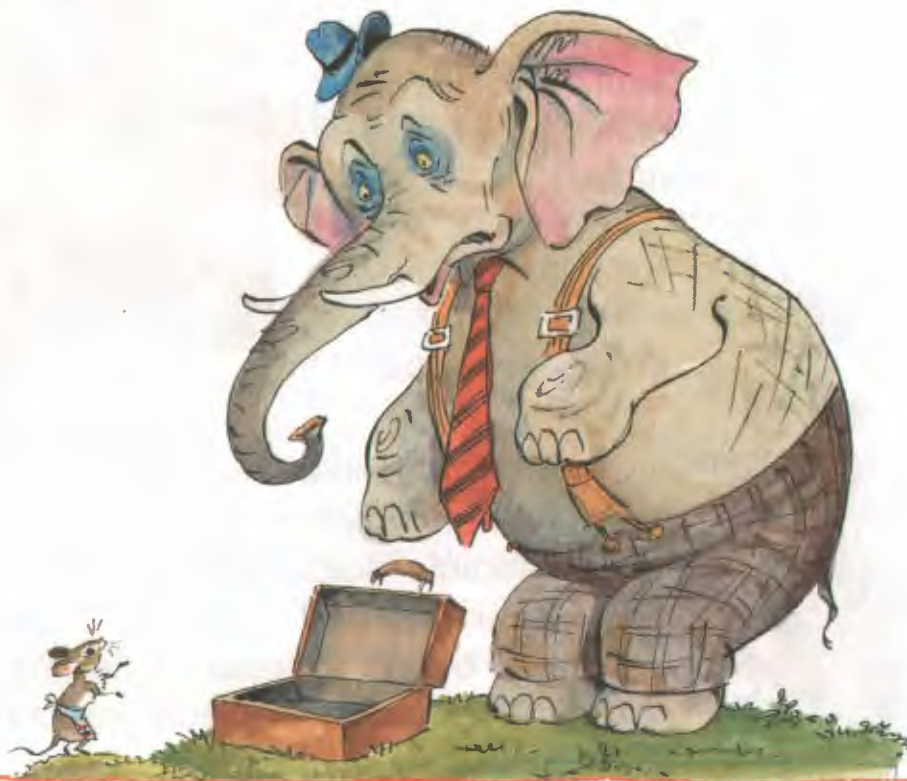
И скинул пиджак,
И ощупал карман,
И хоботом настезь открыл чемодан,
И снова захлопнул,
И рядышком сел,
И грустно сказал:
– Чемодан опустел!

И все приуныли...
Но тут во весь рот
Крикнул печальной толпе Бегемот:
– Подумаешь, горе!
Ну стоит ли, братцы,
Нам из-за Мышки так волноваться?
Ведь мы ВЕЛИКАНЫ! А Мышь чуть видна...

Но Слон прошептал:
– Не хвались, старина...
Мышка не хуже тебя, Бегемота!
Ей, серенькой, тоже подарок охота.
И я исправляю ошибку свою,
Я вновь покидаю друзей и семью...

И вот он поднялся,
Устало вздохнул,
Хоботом, словно рукою, махнул
И двинулся снова в чужие края,
За дальние горы
И за моря...

Ушёл он!

И снова от дома вдали
То улицы мёл, то грузил корабли.

Под ним пароходные трапы трещали,
Его непогодой тучи стращали,
Не знал он ни отдыха,
Ни передышки
И – заработал подарок для Мышки!

Но только теперь он купил
Не одёжку
И не духи,
А губную гармошку!
И сам поиграл,
И ушами похлопал,
И радостно хрюкнул,
И к дому потопал.

Он шёл и смеялся!
Он шёл и трубил:
– Хороший подарок
Я Мышке купил!
Теперь будет славно и весело всем,
Теперь я шагаю домой насовсем!

Сверчок

Стоял на горке старый дом.
А в доме жил Сверчок –
Простецкий сельский музыкант,
Малютка мужичок.

Однажды хлынул сильный дождь,
Ударил страшный гром –
И развалился у Сверчка
На горке старый дом.

Но музыкант Сверчок сказал:
– Не стоит унывать!
Была бы скрипочка,
А с ней
Найду где ночевать.

И вот к Ежу стучится он:
– Открой, дружок! Беда!
Я без пристанища теперь
Остался навсегда...

Открой скорей, приятель, дверь!
Согреться я хочу.
А за ночлег
И за тепло
Игрою заплачу.

Ёж говорит:
– Да я и так
Готов тебе помочь!
Играть не надо.
На печи
Спокойно спи всю ночь.

– Ах, что ты... Я же обещал! –
Своё твердит Сверчок,
И в угол сел,
И в лапку взял
Малюсенький смычок.

И заиграл...
Но инструмент
Не пел,
А лишь скрипел –
Ведь по-другому-то Сверчок
Играть и не умел.

Но был он честен!
И пока
Хозяин не уснул,
Он всё пиликал в уголке,
Всё – скрип да скрип – тянул...

Когда-нибудь,
Друзья мои,
Ненастною порой
Он убаюкает и вас
Чуть слышною игрой.

Но обижаться на него
Не надо,
Ведь Сверчок
Из паутинок сделал сам
Незвонкий свой смычок.

Он сам травинки собирал
Для скрипки по лугам
И эту песенку играть
Учился тоже сам.

Добрые краски

Я чёрной, чёрной краской
Рисую чёрный лес.
Он мрачный и опасный,
Мой лес – колючий весь!

В нём спят сухие ёлки,
В нём дремлет серый пень.
В нём хмуро бродят волки
И то не каждый день.

Но я зелёной краской
Исправлю мрачный вид,
И в шумный ельник сразу
Синица прилетит.

И зажурчит меж ёлок
Прозрачная река,
И встанет на пригорок
Избушка лесника.

Взойдут из-под осинки
Грибы-боровики...
Хватай скорей корзинки
И прямо по тропинке
В рисунок мой беги!

Ветер и Туча

Ветер с Тучею дружили,
Полю чистому служили:
Поливали в жаркий день
И пшеницу, и ячмень.

Но однажды крикнул Ветер:
– Я главнее всех на свете!
С Тучей больше не дружусь,
Сам я в поле потружусь!

Туча сразу рассердилась.
Туча в ёлки опустилась,
В чашу спряталась по грудь,
Ну, а Ветер начал дуть.

Дул он, дул он что есть мочи,
Дул с рассвета до полночи,
А с полуночи опять
Принимался бушевать.

Наконец устал,
Вздохнул,
На труды свои взглянул...
А как глянул, так и охнул –
В чистом поле всё засохло!

Там теперь ни колоска,
Ни цветочка, ни листка.

– О-хо-хо, – заплакал Ветер, –
Видно, есть на белом свете
Кто-то Ветра поглавней,
Кто-то Ветра посильней...

Неужели Туча –
Голубая круча?
Туча, Туча, не сердись,
В небо снова поднимись!

Туча громом гроыхнула,
Туча крылья распахнула,
Туча в небо поднялась
И на землю пролилась.

Пролилась, как из ведра,
На сухие клевера,
На пшеницу, на ячмень
И на крыши деревень,

И в бадейки, и в кадушки,
И мальчишкам на макушки:
Пусть повсюду всё растёт!
Пусть повсюду всё цветёт!

Хмурый Ветер улыбнулся
И от счастья кувыркнулся:
– Ой, спасибо, Тученька!
Тученька-могученька!
Это ты меня сильнее,
Это ты меня важнее!

– Нет, – сказала тихо Туча, –
Я ничуть тебя не лучше.
Ты позвал – я поднялась,
Ты помог – я пролилась.

Славу нам делить не нужно:
Ведь всего важнее дружба.
Где никто не ссорится,
Там и дело спорится.
Вот и всё!

Зябкий человечек

Жил да был в краю одном
Зябкий человечек.
Он построил новый дом,
В доме двадцать печек!

Печь была на чердаке,
Печь была в прихожей,
И в собачьем уголке,
И в кошачьем тоже.

И в подвале, и в сенях,
Даже на крылечке
Злой метелице на страх
Возвышались печки.

В топках уголь полыхал,
Дров пылали груды,
А хозяин всё вздыхал:
– Ох, боюсь простуды!

Сшил он чепчик меховой,
В шубу нарядился,
Но из дома лишь весной
Выглянуть решился.

Он сказал: – Мне пять минут
Погулять нелишне.

Здравствуй, солнышко! –
Но тут
Вдруг увидел вишню.

А на ней белым-бело!
А в цветущих ветках
Разыгрался ветерок,
Он швырнул один цветок
В человечка метко.

И бедняга вдруг решил:
– Это снег валится!
Ох, зачем я поспешил
С печкой разлучиться!

Как теперь вернусь в свой дом
По такой метели? –
И со страху начал он
Мёрзнуть в самом деле.

Коченея, он дрожал
Около крылечка...
Ладно, дворник прибежал,
Поднял человечка!

Ладно, крошку в тот же час
На печи горячей
Уложил он под матрас,
А не то бы наш рассказ
Кончился иначе!

Дом с колокольчиком

Стоит небольшой старинный
Дом над зелёным бугром,
У входа висит колокольчик,
Украшенный серебром.

И если ты ласково, тихо
В него позвонишь,
То поверь,
Что в доме проснётся старушка,
Седая, седая старушка,
И сразу откроет дверь.

Старушка приветливо скажет:
– Входи, не стесняйся, дружок! –
На стол самовар поставит,
В печи испечёт пирожок,
И будет с тобою вместе
Чаёк распивать дотемна,
И старую добрую сказку
Расскажет тебе она.

Но если,
Но если,
Но если
Ты в этот уютный дом
Начнёшь кулаком стучаться,
Поднимешь трезвон и гром,
То выйдет к тебе
Не старушка,
А выскочит баба-яга
И не слышать тебе сказки
И не видеть пирога!

Сказка про Яшу

Бубенчиков Яша,
Упрямый чудака,
Всё делал иначе,
Всё делал не так.

Пусть домик его
Чуть не весь развалился,
Пусть дождик на Яшу
То капал, то лился,

Но крышу чудака
Починить не спешил –
От ливня спастись
Он иначе решил.

Он с берега в речку
Запрыгнул по горло
И крикнул соседям
Хоть сипло, но гордо:

– Вот способ укрыться
От туч и дождя!
Да здравствует мудрость,
Да здравствую я!

Он громко чихнул,
Но услышал в ответ:
– Ума-то у Яши
Ни капельки нет!

А Яша подпрыгнул
И крикнул:
– Ах так? –
И кинулся в дом,
И полез на чердак.

Потом на трубу он
Залез с чердака
И начал метлой
Разгонять облака.

Махал он, махал,
А соседи ему
Опять говорят:
– Это всё ни к чему!

Ты лучше бы, парень,
Подумал о деле:
Смотри-ка,
На крыше-то
Дыры да щели!

И Яша спустился
И целую ночь
Всё думал и думал,
Как делу помочь.

И вот из муки,
Запашистой и белой,
Он вымесил
Сдобное тесто умело!

И сахаром сдобрил,
И соли добавил,
И в дёжке на крышу,
На дырку поставил.

В четверг после дождика
Солнце взошло
И прямо на крыше
Пирог испекло.

Пирог был огромный!
Четыре недели
Соседи его
С удовольствием ели.

А съели —
Сказали:
— Ну вот наконец
Бубенчиков Яша
У нас молодец!

Дудочка

Мне тонкую веточку
Клён подарил.
Я дудочку с дырочкой
Сам смастерил.

Я утром из дома
Ушёл на лужок
И в лёгкую дудочку
Дунул разок.

И тотчас в тумане,
В речной стороне
Пичуга зарянка
Подсвистнула мне.

И мигом ушла
Предраассветная тишь
За клёны, за гребни
Раскрашенных крыш.

И сразу проснулись
За песней моей
Песни окошек
И песни дверей,
Песни калиток,
Стучащих вразброд,
Песни мосточков
У каждых ворот,

Песня колодца,
И песня ведра,
И музыка школьных
Ступенек с утра.

Всё –
Листья, и травы,
И ветер с полей
Откликнулись дудочке
Тихой моей.

А рядом с плетня
Молодой петушок
Мне весело крикнул:
– Отлично, дружок!

Побудку такую
Почаще играй
И дудочку эту
Смотри не теряй!

И я – не теряю...
На ней каждый раз
Негромко играю
В предутренний час.

А как же иначе?
А вдруг без меня
Не свистнет зарянка
В предвестии дня?

А вдруг не начнётся
Без песни моей
Песня окошек
И песня дверей?

Нет,
Пусть она снова
Звучит и звучит –
Кленовая дудочка
Не замолчит.

Вверх по ступенькам

У пёстрой коровы пятнистый телёнок
Вырос без чепчиков и без пелёнок.
И вот он однажды корове сказал:
– Я мал, да удал! Я калитку бодал!
Я каждую лужу копытцем измерил,
Я каждую дырку в ограде проверил,
Жевал я крапиву и нюхал цветы, –
Теперь бы весь мир изучить с высоты!

Он крикнул корове: – До встречи! Прощай!
Я лезу на крышу, а ты – не мешай!

И вот
Покачал он
Крутую
Ступеньку,
На лестницу
Встал
И полез
Помаленьку
Туда, где сиял
Небосвод голубой
Над красною крышей,
Над белой трубой.

Он кверху шагал, а корова ему
Мычала: – Весь мир изучать ни к чему-у!
Глянь ты хоть издали, глянь хоть в упор:
Весь мир – он такой же, как старый наш двор.
В нём всё одинаково. В нём всё похоже:
Ёлки, берёзы... Телёночки – тоже!

Но с лестницы
Ветер
Доносит слова:
– Ты ошибаешься!
Ты не права!
Отсюда видна мне другая деревня,
Растут в ней совсем не такие деревья;
Я вижу других там коров и телят;
Не так во рожки там подпаски дудят.

А главное,
Чем поднимаюсь я выше,
Тем ясное солнышко краше и ближе;
Сейчас на трубу со ступеньки вскочу,
Чуть-чуть поднатужусь, к нему полечу!
Не веришь?

– Не верю! – корова сказала
И вслед за телёнком сама поскакала.
Да вышел хозяин, руками всплеснул,
Ахнул: – Спасите! Беда! Караул!

И сразу на помощь к нему во весь дух
Примчалась хозяйка, примчался пастух,
И пусть работёнка была нелегка –
Вернули на травку и мать, и сына.

Вернули,
Вздохнули,
Все хором сказали:
– Как хорошо, что мы не опоздали!
А то бы нам столько досталось хлопот,
Что не управиться даже и в год!

Пришлось бы телёнка на солнце ловить,
Пришлось бы корову на небе доить,
А молоко-то
Для внуков, для внучек
Спускать осторожно меж беленьких тучек
В серебряном чистом ведёрочке
На дли-и-инной, предлинной верёвочке...
А она может оборваться!
А если оборвётся,
То как её связать?

Чудо чудесное

(Из русских народных сказок)

Вот так чудо случилось чудесное,
До сих пор никому не известное:

Залезал мужичок на осину,
Да сорвался и ухнул в трясину.
Провалился по самые уши
И сидит – только шапка снаружи.

Вдруг, пройти не успела минутка,
– Плюх! – уселась на шапку утка,
И сказала: – Ах, как тут отлично! –
И – снесла на шапочку яичко.

Но и наш мужичок был не прост!
Хвать яичко,
Хвать утку за хвост!

И матёрая утка забилась,
Утка крякнула,
Утка взвилась.
Мужичок в небеса прынул свечкой
И – упал на сухое местечко.

А поднялся,
Домой заявился,
Всей родне тот же час похвалился:

– Вышло чудо со мною чудесное,
До сих пор никому не известное.
Кто смеётся, не хочет поверить,
Тот, пожалуйста, может проверить:
Вот вам шапка, вот в шапке яичко –
Оно ещё тёпленькое!

Зёрнышко

Может быть, недавно,
А может быть, давно
Лежало на тропинке
Пшеничное зерно.

Ни мало, ни велико,
Обычное собой,
Но с кожицею странной –
С ярко-голубой.

А полем по тропинке
Шагал один чудака,
Он зёрнышко заметил,
Он вслух подумал так:

– Чудесную находку
Смелю я на муку,
Я голубую булку
Ребятам испеку!

Но к чудаку сейчас же –
Скорей! Скорей! Скорей! –
Примчался хмурый мельник,
С ним девять пекарей.

Примчались, посмотрели
На странное зерно
И хором заявили:
– Негодное оно!

Раз у него не жёлтый,
Не золотистый цвет,
То в нём большого проку
И не было, и нет!

Все пекари и мельник
Сказали чудаку,
Что голубые зёрна
Не мелют на муку.

А тот махнул рукою:
– Пускай!

Но всё равно
Я чувствую, я знаю –
Волшебное оно! –

Настойчиво и громко
Он заявил в ответ: –
Я верю, что в находке
Есть сказочный секрет.

Он в узенькую грядку
За домиком своим
Воткнул зерно и начал
Ухаживать за ним.

Он зёрнышко водою
Из лейки поливал,
Он грядку, если холод,
Подушкой накрывал.

Он грядку очень прочным
Плетнём огородил,
Он от неё ни ночью,
Ни днём не отходил.

А зёрнышко лежало
В земле
И не росло.
И что ни день, то громче
Смеялось всё село.

– Никчёмная затея! –
Кричали там и тут. –
Чудес на свете нету!
К чему напрасный труд?

Но поливал упрямо
Чудак своё зерно.
Шептал он:
– Урожая
Дождусь я всё равно.

И вот однажды утром
Край грядки сам собой
Слегка зашевелился
И сверху появился
Росточек голубой!

Он рос и рос...
Он вровень
С плетнём высоким встал,
А на макушке колос
Вдруг наливаться стал.

И в колосе не зёрна
Светились от жары,
А зрели
Голубые
Воздушные шары!

Их сразу расхватала
Босая детвора,
И до небес взлетала,
И громко хохотала:
– Мы лётчики! Ура!

Даже хмурый мельник
Был очень, очень рад.
Он вместе с пекарями
Летал под облаками
И ни за что спуститься
Не хотел назад.

А наш чудака смеялся
И, голову задрал,
Кричал: – Ну вот, смотрите!
Я оказался прав!

Пускай все сомневались –
Я верил всё равно,
И сказочную тайну
Открыло нам зерно.

Я верил, что на грядку
Вода не зря лилась,
И сказка получилась
И наяву сбылась!

Жёлтый с красным

Была деревня.
В ней изба.
В избе топилась печка.
Под печкой, словно два сверчка,
Нашли приют два мужичка –
Два шустрых человечка.

Один – весь жёлтый, как желток.
Второй – как пламень красный.
И жёлтый подал голосок:
– Под тёплой печкою, браток,
Мы обжились прекрасно...

Да только скучно тут сидеть,
Бока без толку грея;
Давай хоть песни, что ли, петь,
Всё будет веселее!

И шум такой, и гам такой
Подняли человечки,
Что встал хозяин и метлой
Их вымел из-под печки.

Но жёлтый крикнул:
– Мы грустить
Не станем по закутку!
Раз не дают под печкой жить,
Пойдём в собачью будку.

Подкинем псу послаще кость
И скажем: «Ешь, дружище!»
И за гостинец пёс Барбос
Уступит нам жилище.

А красный поднял красный нос:
– К чему гостинец сладкий?
Собаку вытащим за хвост,
И будет всё в порядке!

Но пёс навстречу им шагнул
И цепь стальную так рванул,
Что братья побледнели
И, мигом скинув пиджачки,
Хватаясь цепко за сучки,
На дерево взлетели.

Воскликнул жёлтый:
– Вот так да!
Чуть не постигла нас беда!
Но мы к тому привычны...
Совьём, братишка, два гнезда
И заживём по-птичьи!

А брат в ответ ему: – Чудак!
Ну стоит ли стараться?
Гнездо не дом... Гнездо – пустяк.
Куда приятней просто так
На ветке покачаться!

Качнулись раз, другой... И вот
Раздался треск ужасный:
Упали прямо в огород
Два братца – жёлтый с красным.

И там, где жёлтый мужичок
Воткнулся в землю крепко,
Там вырос зелени пучок –
И появилась репка.

А там, где шлёпнулся второй,
Там, стойкий да пахучий,
Пылая жаркой головой,
Поднялся перец жгучий!

И вот вдвоём они живут
На огородной грядке,
И хорошо всегда им тут,
И всё у них в порядке.

Теперь хозяин их метлой
Долой не выметает,
А бережёт
И в летний зной
Водичкой поливает.

На улице тенистой

На улице тенистой,
Где всё цветёт весной,
Трудились по соседству
Башмачник и портной.

С утра светило солнце
К ним в окна мастерских,
И дружная работа
Шла весело у них.

Но вот друзья устали
И в майский тёплый день
На лавочке под липой
Уселись рядом в тень.

Уселись,
И башмачник
Портному говорит:
– Послушай, друг-приятель,
А я ведь ЗНАМЕНИТ!

Когда я на работе,
Весь город день-деньской
До вечера толпится
В башмачной мастерской.

Толпится не напрасно...
Все знают:
На заказ
Я шью ботинки прочно
И по ноге как раз.

Но главное не в этом!
А в том, приятель, суть,
Что ставлю на обновки
Я медные подковки,
Волшебные чуть-чуть.

Подвешен к ним бубенчик!
У них приятный звон.
Как ступишь на подковку,
Так слышится: динь-дон!

Динь-дон! Динь-дон! – старушка
Бредёт по мостовой.
Динь-дон! – спешит на помощь
К ней добрый постовой.

Динь-дон! Динь-дон! – спортсмены
Бегут на стадион.
Динь-дон! – от дома к дому
Шагает почтальон.

Динь-дон! Динь-дон! – малышки
Торопятся в детсад.
Динь-дон! – отряд пожарных
Выходит на парад.

Динь-дон! – и настроенье
Отличное у всех.
И в этом, я считаю,
Главнейший мой успех.

Не каждый сделать может
Подковку-бубенец!
Скажи, товарищ, честно:
Я правда молодец?

Портной сказал: – Возможно...
Да ты забыл о том,
Что и ко мне весь город
Валит с утра валом.

И тоже не напрасно!
Я сам любой заказ
Исполнить на «отлично»
Стараюсь каждый раз.

Я сам ничуть не хуже
Ребятам ужогу:
Им пуговицы цветные
На шапки посажу.

И тоже – непростые...
Все пуговицы подряд,
Когда наступит вечер,
Сверкают и горят.

Горят!
И на берете
У девочки любой
Как будто бы фонарик
Пылает голубой.

Горят!
И каждый мальчик
В кепчонке набочок
По городу ночному
Летит, как светлячок.

Горят!
И слышен тоже
Повсюду звонкий смех,
Но сам себя не стану
Хвалить я за успех.

Быть может, мы с тобою,
Сосед, и хороши,
Да пусть об этом скажут
Нам сами малыши.

Пускай ребята сами
Решат, кто молодец...
А нам опять за дело
Пора приняться смело –
Работе
Не конец!

Вертолётчик-вертолёт

1

Отлично, если в доме
Есть чирик или ёжик.
Прекрасно, если в доме
Домашний лев живёт.
Но если бы сбывалось
Всё то, что пожелалось,
То я себе завёл бы
Домашний вертолёт.

Конечно, не огромный.
Но всё же – настоящий.
Такой, чтоб сзади хвостик
С пропеллером торчал;
Такой, чтоб с управлением,
С кабиной и сиденьем
И чтоб внутри моторчик
Мурлыкал и урчал.

Я вертолёту место
Отвёл бы в нашей спальне.
А сам бы спал на кухне,
Но это не беда!
Зато бы мы дружили
И дружбой дорожили,
И было бы нам вместе
Весело всегда.

2

Ну вот, представьте, утро.
Бегут ребята в школу.
А я сижу спокойно,
Пью чай, не тороплюсь...
Ведь мне теперь дорожка
Не в двери, а в окошко:
По воздуху до школы
Я в пять минут домчусь!

Примчусь, дружка поставлю
Под клёном у крылечка
И прямо на уроке
Учителю скажу:
– Глеб Карпович, простите,
Но если вы хотите,
Я мигом вас на небо
На синее свожу...

– Хочу! Хочу! Желаю! –
Ответит мне учитель.
– И мы хотим-желаем! –
Подхватит хором класс.
И вот уже не в школе,
А в небе на просторе
Урок по географии
Продолжится у нас.

Мы с птичьего полёта
Увидим, как на карте,
Наш новенький посёлок,
Квадраты красных крыш;
А вдалеке, за пашнями,
Москву с мостами, с башнями;
А может, даже Прагу!
А может, и Париж!

3

Но вот я мчусь обратно.
Вдруг слышу – в переулке
Как будто кто-то плачет
И что-то там не так...
А там, внизу, соседку,
Бубенчикову Светку,
Преследует огромный
Рассерженный гусак!

Я мигом жму на тормоз
И лесенку бросаю,
Кричу: – Держись, Бубенчик! –
И Светку вертолёт
На воздух подымает,
Несёт и опускает
У Светкиного дома,
У Светкиных ворот.

И жмёт мне Светка руку,
И гладит вертолётик,
И говорит:
– За помощь
Я вас благодарю!
Я вам обоим завтра,
А может, послезавтра,
Но всё же обязательно
Букетик подарю!

4

А вот ещё представьте:
Пришёл весенний праздник.
А на дворе ненастье,
И взрослые ребят
Гулять не отпускают,
На ключик запирают.
– Сидите лучше дома! –
Ребятам говорят.

Но я на вертолёте
Стрелой взмываю к тучам!
И так винтами сильно
Там крутит вертолёт,
Что тучи разлетаются,
И солнце зажигается,
И в небе над посёлком
Радуга встаёт!

И отперты замочки,
И вынуты цепочки.
Все двери пораспахнуты,
И детвора гурьбой
Навстречу ветру мчится
И пляшет, веселится
Под радугою алой,
Зелёной,
Голубой!

Нет, хорошо, что в доме
У нас есть чиж и ёжик...
И льва мне обещали!
Но всё-таки я жду,
Что скоро к ним в придачу
Я так или иначе
Ещё и вертолётик
Домашний
Заведу!

Башмаки-простаки

Два простака,
Два башмака
В осенний день издалека
Шли по глубоким лужам.
Один шагал без каблука,
Второй был худ и без шнурка,
К тому же весь простужен.

Худой башмак
Вздохнул с трудом:
– Сейчас бы нам увидеть дом
С затопленной печкой.
Тогда бы там нашлись для нас
В кастрюлях каша,
В кружках квас...

Второй кивнул:
– Конечно!

Худыш опять:
– За тёплый кров
Хозяйке мы наколем дров!
Поленниц пять примерно.
У нас же есть с тобою честь:
Не станем даром пить и есть!

Второй ответил:

– Верно!

И вдруг пред ними встал дворец.

Воскликнул первый:

– Наконец

Нам впрямь удача светит!

Кругом собаки, правда. Но –

Давай стучаться всё равно!

– Давай! –

Дружок ответил.

А во дворце жил Фон-Барон.
Разбужен ранним стуком он,
Кричит слуге с постели:

– Эй, кто устроил тарарам?
Что за нахалы нынче к нам
Ломиться в дверь посмели?

Слуга на цыпочках бежит,
От смеха даже весь дрожит
И приседает даже:

– Два чудака,
Два башмака
Пришли сюда издалека
И очень просят... КАШИ!

– Что? Шум подняли башмаки?
Да как посмели дураки
К нам лезть из грязи, пыли?
Дворец наш вовсе не таков,
Чтоб привечать в нём простаков;
Пусть бродят, где бродили.

Здесь только туфелькам почёт!
Лишь самый тонкий каблучок
Вхож на паркетные наши,
И надо знать, что никогда
Никто, ко мне войдя сюда,
Не спрашивает каши!

Ушли друзья. А Фон-Барон
С постели слез пуховой.
Уснуть уже не может он,
Слугу он кличет снова:

– Эй! Что за холод во дворце?
И в том, и в этом вот конце
Сосульки в ряд настыли.
Болит от стужи голова.
Сходили б туфли по дрова,
Камин бы затопили!

Слуга в кулак подул,
Вздохнул:
– По этакой-то стуже
Не выйти туфелькам за дверь...
Для дела этого теперь
Надёжней кто-то нужен.

– Так пусть шагают башмаки!
Ведь им, бывалым, пустяки
Промять тропу до рощи...

– Ах, башмаки? Но их здесь нет.
Они от нас ушли чуть свет
К хозяевам попроще.

Они вернуться не хотят,
Они в избе теперь сидят
На самом лучшем месте.
Хозяйка им подносит квас
И говорит, что нет у нас
Ни совести,
ни чести!

Давай подружмся с тобой!

1

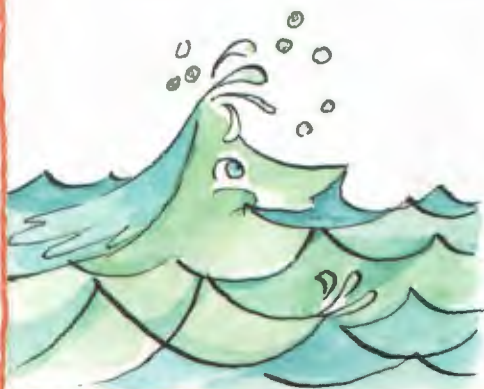
На мосточке из дощечек
Нарисован человечек.
Он лежал, лежал, лежал –
Вдруг вскочил и побежал!

Он примчался – прыг да скок! –
На речной на бережок.

Закричал он:

– Эй ты, речка!

У меня, у человечка,
Видишь глазки? Видишь ручки?
Видишь ножки-закорючки?
Видишь носик мой торчащий?
Я совсем как настоящий!
Я хорошенький такой, –
Давай подружмся с тобой!

2

Отвечает речка: – Нет!
Не получится, мой свет!
Пусть хорош твой нос торчащий,
Но ты сам – НЕНАСТОЯЩИЙ.

Настоящий только тот,
Кто на берег мой придёт
Не хвалиться длинным носом,
А с поклоном и вопросом:

«Уважаемая речка,
Ты бежишь и день и ночь.
Ты, наверное, устала.
Так не надо ли помочь?

Хочешь, звонкая, уважу –
Бережок твой разукрашу?
На пригорке, на виду,
Деревеньку возведу
С крышами зелёными,
С трубами белёными,
С пашнями да с тропками,
С пристанью и с лодками?»

Вот с таким-то человечком
Я, конечно, подружусь!
Я сама для новостройки,
Если надо, потружусь:
Из-за леса, из-за чащи
По волнам плоты примчу...
А с тобой, ненастоящим,
Даже знаться не хочу!

3

Человечек огорчился,
В чисто поле припустился.
Лёг под синий василёк,
Видит: вьётся мотылёк.
– Мотылёчек, мотылёк!
Может, ты сговорчивей?
Тронь меня хотя б разок
Крылышком узорчатым.

Сядь на носик мой торчащий,
Глянь, какой я – настоящий!
Я весь хорошенький такой
И хочу дружить с тобой...

Мотылёк ответил: – Что ж,
Я не спорю, ты хорош.
У тебя смешной животик,
У тебя чудесный ротик,
Носик тоже подходящий,
Но ты сам – НЕНАСТОЯЩИЙ.

Настоящий только тот,
Кто до солнышка встаёт
И несётся без оглядки
Поливать водичкой грядки,
Чтобы выросли цветы
Небывалой красоты!
Чтоб дарили ребятишки –
Все девчонки,
Все мальчишки –
Их по дням рождения
Друг другу
В знак почтения.
С ними я, брат, и дружу,
А с тобою – погожу!

4

Человечек чуть не плача
Охнул: – Что за неудача!
Почему-то каждый раз
Вместо дружбы мне отказ!
Неужели потому,
Что ни разу никому
Ничего не подарил,
Только сам себя хвалил?

И опять пошёл он к речке
И на ровном берегу
Встал на солнечном местечке
С тонким прутиком в руке.

Встал,
Вздохнул один разок,
Опустился на песок,
Разровнял его ладошкой...
Глядь – и вычертил окошко!
А над ним крутую крышу,
А над крышей, чуть повыше,
Из трубы пустил дымок –
Получился теремок!

Теремок-домишко
С голубиной вышкой,
С двориком-садочком,
С клумбою цветочной,
С кошкой на крылечке,
С тропкой прямо к речке!

5

И сказала человечку
Речка звонко: – Мо-ло-дец!
Надо мною,
Голубою,
Домик с крышей и с трубой
Встал красиво, как дворец!

Дом не просто так стоит,
Печь в нём топится, дымит;
Да и сам ты – работающий,
И, выходит, НАСТОЯЩИЙ!
И, выходит, ты да я
С этих пор уже друзья.

Речке вторит мотылёк:
– Ты отличный паренёк!
Краше нет твоих цветов,
Лучше нет твоих трудов!
Да и носик твой неплох:
Длинный, как морковка!
Мотылькам на нём сидеть
Весело и ловко!
Давай, человечек, я на него опущусь...
Вот так!
Теперь мы с тобою тоже
Дружки-приятели!
Навсегда!

Сосна

Сажаю малышку сосну под оконцем:

– Расти-вырастай

Вровень с небом и солнцем!

Стремись каждый час к высоте беспредельной –

И вырастешь звонкой сосной корабельной!

Поднимешься мачтой над белым корветом,

Взовьёшь паруса под напористым ветром

И с первым лучом золотистой зари

Исчезнешь, как птица, в туманной дали.

А я с бережочка тебе помашу,

А я на прощанье тебя попрошу:

В прекрасных просторах свершая свой путь,

Ты всё же меня вспомяни, не забудь.

Припомни в широтах, студёных и вьюжных,

Припомни под зноем в лагунах жемчужных;

Всем синим заливам под якорный звон

Качнись,

Передай мой глубокий поклон!

Ведь мне самому дальних странствий звезда

Не будет сиять никогда, никогда...

Так просьбу исполнишь?

Но тут же в ответ

Вздохнула малышка пушистая: – Нет...

Тебе эту службу я не сослужу;
Я лучше другое тебе подскажу.
Весною бескрайней,
Зимою метельной
Ты тоже стремись
К высоте беспредельной.
Стремись! И поверь,
Что повсюду тогда
Тебе улыбнётся
Любая звезда...
Ты понял, о чём я с тобой говорю?

– Я понял!
Я верю
И – благодарю!

Золотая колыбель

Сон под утро самый крепкий.
Над рекою дремлет ель.
А на тёмной, колкой ветке
Золотая колыбель.

Кто там в ней?
Должно быть, мальчик!
Спит себе да видит сны...
Этот мальчик
Ростом с пальчик,
Он из сказочной страны.

Рядом с ним зарницы тают,
Смотрят звёзды-светляки,
По соседству пролетают
И приветливо мигают
Самолётов огоньки.

Колыбель всем тоже светит...
Всем –
Вблизи и вдалеке:
В поле – травам,
В сёлах – детям,
Сонным ёршикам – в реке.

Светит тихо, понемногу
Лодкам, бакенам, плотам;
Освещает путь-дорогу
Отплывающим судам.

Ей самой уплыть недолго...
Ветер дунет, скрипнет ель,
И простится с веткой колкой
Золотая колыбель.

Уплывёт в простор заречный,
Но в дали не пропадёт;
Завтра снова тихий вечер
Будет звёздами освечен,
И опять она над нами
Помаленечку взойдёт...

До свидания!

ДНЁМ, ПРИ ЯСНОМ СОЛНЫШКЕ

Рассказы

Голопятый Минька и Кружечка-белушечка

Люди увидели медвежонка лишь в ту минуту, когда на него напал огромный, злой, по-волчьи сегодгривый пёс Шарап. Крутились тут, заливались до хрипа и все деревенские пустолайки. Шум на дороге у колхозного коровника стоял до небес.

Хозяин Шарапа, сторож Пятаков, выскочил из дежурки и, округляя радостно глаза, завопил:

– Зверь! Настоящий зверь... Ату его, Шарап, ату!

А Шарап не отступался и безо всякой команды. Он давно бы сцапал медвежонка за шиворот, да медвежонок тоже не очень-то зевал.

Измученный долгим и одиноким блужданием по лесу, но всё ещё ловкий, он плюхнулся прямо в дорожную пыль и, держась дыбком, не отрываясь от земли, быстро поворачивался, отчаянно размахивал передними лапами. Он отбивался от оголтелой своры, совсем как перепуганный мальчонка, и даже голос подавал почти по-детски:

– Ай! Ай! Ай!

И вот то ли от этого крика, то ли по всегдашней к любым бедам добротой своей к медвежонку ринулась самая тут пожилая работница – тётка Устинья.

Доярок и телятниц у коровника собралась целая толпа. Но на выручку к медвежонку побежала одна Устинья.

Не очень уключая, от возмущения багровая, она, раздёргивая у себя за спиной толстыми пальцами завязки фартука, врезалась в собачью кутерьму, как трактор. Она расшвыряла пинками трусливых шавок, поддала остервенелому Шарапу и, распахнув фартук, ловко медвежонка спеленала, подхватила высоко на руки.

Шарап было прыгнул к рукам, но получил отпор опять, и сторож Пятаков забранился:

– Ёлки-палки, не трожь моего пса! Он зверя чует. Дикого!

– Зве-еря? – всё ещё гневно и протяжно сказала Устинья и с укутанным на руках медвежонком пошла прямо на Пятакова.

Сторож не испугался ничуть, зато доярки от Устиньи шарахнулись с визгом.

А Устинья сердилась всё больше:

– Зве-еря? Дикого? Вот ты со своим Шарапом натуральный дикарь и есть! А это – гляди кто... Это детёныш, сиротка. Он мать где-то потерял, а ты на него со своим псиной... Гляди сюда, бессовестный Пятаков, гляди! Отворачиваться нечего!

И Устинья, будто одеяло на младенце, приоткинула фартук. И все, в том числе и Пятаков, увидели, как медвежонок круглые уши прижал, глаза закрыл, а сам жадно вздрагивает и, всю пуская пузыри, чмокает, насасывает гладкую пуговицу на платье Устиньи. Видно, учуял, что от одежды пахнет коровьим парным молоком, – вот и начмокивает.

– Оголодал до смерти! – сразу зашумели, сразу перестали бояться женщины.

А многодетная Надя Петухова, шустренькая, каре-глазенькая, всегда везде весёлая, теперь всхлипнула:

– Ой, да ведь он сосунок ещё совсем!.. Надо его, подружки, как-нибудь спасти.

Пятаков хмурым басом заговорил тоже:

– Нет... Он уж не сосунок. Но то, что первогодок, – точно! Ему, поди, месяцев пять, не более... Да только от этого ничего не меняется. Всё равно он зверь, настоящий медведь. Хотя пока что и недоростыш... Зря вы его тетёшкаете на руках, зря играете с ним.

Но вот когда во весь могучий, хриплый рык подал опять голос Шарап, то Пятаков сам же и замахал на пса, и даже теперь затопал:

– Тубо!

* * *

А затем все принялись гадать, куда медвежонка пристроить.

Оставаться на колхозной ферме ему было невозможно. Коровы от такого соседства могли забеспокоиться, убавить молока, да и грозный Шарап нёс свою главную службу вместе со своим хозяином тут.

И тогда Устинья решила забрать медвежонка домой. Правда, взять его к себе хотела и шустренькая доярка Надя Петухова. Она сказала:

– У меня – ребятишки... У меня с ними, с четверыми, ему будет куда как весело.

Но Устинья отрезала:

– Знаю я твоих ребятишек! Они медвежонка на верёвку посадят, по улице затаскают! А я ему по-

играть тоже с кем найду. И, кроме того, я ему придумала уже имя... Пускай он будет Минькой.

И вот так вот и оказался медвежонок Минька в питомцах у тётки Устиньи, а дружить с ним стала маленькая собачка по кличке Кружечка.

Кружечка тоже была приёмышем. Она случайно или не случайно, ещё тем летом, отстала на автобусной остановке в деревне от каких-то проезжих людей. Прежнее имя собачки никому деревенским было не известно; и когда Устинья собачку приютила, то взяла да и нарекла её Кружечкой. Нарекла не просто так, а оттого, что пушистый, несколько великоватый хвост собачки был завернут крутым полукольцом, совершенно как белая ручка на белой фаянсовой кружке. Осо-

бенно это сходство бросалось в глаза, когда собачка садилась на задние лапы и служила.

А служила она всегда охотно. И в такие минуты тётка Устинья говорила ей:

– Кружечка-белушечка, разумница моя!

Толковая Кружечка сразу, как только Минька объявился в доме, поняла, что медвежонок хотя ростом и с неё, но на самом-то деле совсем ещё малыш. Поняла она и то, что он нездоров, и не таякала, не докучала ему.

Более того, когда Устинья накормила Миньку молоком и уложила под лавкой на старую фуфайку, то и Кружечка улеглась рядом, стала зализывать медвежонку разодранное псами ухо. Медвежонок ласку принял, горько, по-щенячьи Кружечке жаловался.

Зашумела Кружечка лишь тогда, когда объевшийся молоком Минька забеспокоился сам. Он, хромая, из-под лавки вылез, заходил, закрутился по избе и вдруг на вымытом дожелта полу напустил прозрачную лужицу.

И вот тут Кружечка прямо-таки сконфузилась за Миньку. Она залаяла, лужицу обежала, торкнула лапами дверь, распахнула её в прохладные сени. Она словно бы хотела сказать Миньке: «Смотри, мол, куда в этом случае ходить-то надо, смотри... Там имеется очень удобный, специальный уголок!»

Устинья засмеялась:

– Стыди его не шибко. Он у нас ещё на больничном... Не велика беда, я за ним подотру. А ты

его позови обратно на фуфайку да снова полечи его там, поухаживай...

И ясно, что при таком добром пригляде, да на парном молоке, да на овсяной каше Минька стал поправляться не по дням, а по часам. Недавно тусклая, вся в репьях, шерсть его сделалась гладкой, зеленоватые глазки повеселели.

Он теперь сам, если надо, открывал дверь и находил специальный уголок.

Он ловко и с большим удовольствием стал перенимать у своей наставницы Кружечки всё, что она умела.

Кружечка научила Миньку бегать вперегонки, играть в прятки и даже, когда Устинья уходила на работу, забираться на высокую лавку. Сама Кружечка на

лавку вспрыгивала легко, в один приём, а Минька влезал туда, пыхтя и царапаясь, по толстой ножке.

А с лавки они смотрели в окно. А за окном была садовая изгородь. На жердях изгороди сидели верхом шустрые, все как один, словно подсолнухи, желтоволосые Надины ребятишки: Лёшка-третьеклассник, Тошка-второклассник, Ромка-первоклассник и дошкольница Дунечка.

Они озорными, звонкими голосами кричали в сторону окна:

– Минька-медведь,
Приходи к нам посидеть!
Приходи с подружкой,
С беленькою Кружкой!

А потом сами и отвечали за медвежонка:

– Я пришёл бы, да боюсь,
С тонкой жёрдочки свалюсь!

Медвежонок и собачка не очень-то догадывались, что это их дразнят. Они смотрели на озорников сквозь прозрачное стекло с превеликим любопытством. А потом от острого запаха стоящей тут, на подоконнике, герани Минька намарщивал чёрный влажный нос, громко чихал: «Апчхи!» – и ребятишки, притворяясь, что им страшно, скатывались с изгороди на траву, кричали: «Ой-ёй!» – кисли от смеха.

Когда же приходила с фермы домой Устинья, то и опять всё было хорошо. Радуюсь хозяйке, Кружечка принималась служить, а Минька – кувыркаться. И этому кувырканию он научился не у собаки, а научился сам. Голову подожмёт, круглый, сытый теперь задок вверх толчком подбросит и перевернётся так мягко, так быстро, что только голые пятки да короткий хвостик и мелькнут.

На бесплатные представления скоро стала собираться полна изба народу. И все, а особенно Нади-

ны ребяташки, хохотали, хвалили Кружечку, хвалили и медвежонка. Только Пятаков, хотя во время этих спектаклей улыбался тоже, потом всё равно хмурил брови, всё равно говорил:

– И тем не менее, Устинья, ты сотворила глупость. Зря взяла медведя в дом. Зверь он зверь и есть. Возрастёт – что делать станешь?

– Когда возрастёт, тогда будет и видно! – отмахивалась Устинья. – А пока пускай квартирует у нас с Кружечкой. Мы к нему привыкли. – И подозрительно смотрела на Пятакова: – Тебе бы его на улицу, да? К твоему разбойнику Шарапу, да?

Пятаков сердился ещё сильнее, вставал, уходил, крепко хлопал при этом за собою дверь.

* * *

А вскоре за коровником на бугре поспела малина. Душистых ягод там было полно, и Устинья в перерыв перед вечерней дойкой насобирала их целый эмалированный бидон.

Домой после работы пришла поздно, усталая. Не включая света, отсыпала лесного лакомства своим питомцам в чашки и улеглась спать.

Сквозь первую дрему она ещё слышала, как собачка, вылизывая со дна ягодный сок, гремит чашкой, крутит её по полу, а медвежонок над своей посудинкой лишь аппетитно урчит. У медвежонка чашка не

вертелась и не стучала никогда: он всё вкусное ел полулёжа, крепко обняв чашку лапами.

Устинья подумала: «Вон он какой аккуратный стал у нас, Минька-то... Вон он какой молодец!» – и тут уснула.

А ближе к полуночи её разбудил непонятный, в потёмках даже страшноватый звук. Под кроватью как будто кто жаловался, да так жаловался, что, наверное, слышала вся деревня.

Устинья испуганно села, включила свет, заглянула под кровать. Там, горестно обхватив морду лапами, сидел, раскачивался медвежонок, плакал: «Уюй, уюй, уюй!»

Кружечка сочувственно подвывала, глядела на Миньку, а меж ними была пустая чашка, которую они под кровать закатали. И медвежонок всё к чашке принюхивался, опять заводил своё «уюй!».

– Что, Минюшка? Ягодок ещё захотел? Сейчас, сейчас...

И неуклюжая Устинья, сама одышливо охая, вытянула чашку из-под кровати, сбродила на кухню, потрясла из бидона ягод, поставила Миньке чашку под лавку на законное место.

Минька ягоды подлизнул вмиг, всхлипнул опять.

– Ну, ты и сладкоежка! – рассердилась Устинья. – Больше, хоть заревись, не дам. Это у меня на лекарство!

И, печально скуля, Минька ходил по избе всю ночь, и Кружечка ему подскуливала тоже всю ночь,

а наутро Устинья рассказала о происшествии дояркам и Пятакову.

Доярки засмеялись:

– Поди, опьянел твой Минька с малины-то! Вот и заколобродил, загулял!

А Пятаков рассказ выслушал очень серьёзно, заворчал по-прежнему:

– Ерунда! Он не опьянел... Это началось, Устинья, то, о чём я всё время и говорю тебе. Через твоё лесное угощение он волю вспомнил, суть свою медвежью вспомнил – и теперь бунтует. Бунтует пока тихо, как младень, но потом – держись! Послушай моего слова, отпусти медведя.

Но и вновь Устинья, хотя и видела – Пятаков теперь советует вроде бы от души, – стала ему говорить, что в лесу Миньке придётся без матери-медведицы тугο, стала говорить снова про Шарапа, и опять они со сторожем чуть не поссорились.

* * *

Только всё ж перед самой своей вахтой, перед ночью, Пятаков к Миньке заглянул.

Сидели в гостях у медвежонка, заслышав про неладное, и все Надины ребятишки.

Сам же Минька теперь по избе не бродил, а лежал в своём уголку и ни на кого, даже на Кружечку, не обращал никакого внимания.

Кружечка тоже была скучная. Она лишь неодобрительно покосилась на Пятакова, который как вошёл да как уселся на лавку, так сразу запалил душную папиросину.

Он напустил такого дыма, что даже Устинья не вытерпела:

– Оставался бы в сенях да там и пыхал, как паровоз!

А Пятаков знай себе подымливал; знай себе хмурился. Знай всё поглядывал, как ребятишки пробуют настроить Миньку на весёлый лад.

Сначала они старались это сделать с помощью Кружечки. Они уговаривали Кружечку, чтобы та

походила перед Минькой на задних лапах; а там, глядишь, и Минька тоже начнёт играть, тоже начнёт веселиться.

Но Кружечка отворачивалась, всем своим видом показывала, что раз, мол, Миньке теперь не до того, то и ей, Кружечке, ничуть не до этого.

И тогда Лёшка, Тошка, Ромка и Дунечка принялись перед Минькой прыгать, по-всякому стараться сами.

И достарались, дошумелись до того, что расстроенная Устинья прикрикнула и на них:

– Довольно вам! Тут у меня изба, не цирк!

И вот как только она слово «цирк» сказала, так Пятаков папиросину об пол шмякнул, придавил, хлопнул себя по колену:

– Всё! Понял, как быть! Понял, что надо делать... Теперь не по-моему, не по-твоему, Устинья, надо делать, а именно в город медведя и везти. Именно в цирк, в артисты его определять. Этак и ему и тебе станет лучше не надо.

– В какие артисты? – замерли ребяташки.

– В какой цирк? – не поняла Устинья.

А Пятаков так и пошёл, так и пошёл не говорить, а прямо-таки печатать и даже ладонью отсекал воздух, самому себе помогать:

– В тот самый цирк, о котором ты помянула сейчас! В цирке, в городе, медведей-то лишь подавай да подавай! В цирке – за медведями уход! В цирке тебе за Миньку отваяют ещё и денежек.

– Ты что? Зачем – денежек? Мне бы лишь Миньке понравилось, – всколыхнулась и Устинья, всколых-

нулась пока не шибко уверенно, да Пятаков понял: на этот раз он попал в точку.

А тут и ребяташки подплеснули, как говорится, масла в огонь. Тошка с Лёшкой закричали:

– Минька станет там не простым, а учёным медведем, и его, может быть, даже будут показывать по телевизору!

Ромка добавил:

– Он будет там расхаживать, как знаменитый клоун, в шляпе с бантом и в полосатых штанах!

Дунечка захлопала в ладоши:

– А мы станем ездить к нему в гости!

– Верно! – подхватил ещё увереннее Пятаков. – Мы станем к нему ездить как земляки, а ты, Устинья, почти как родственница... Приедешь, а тебя у цирка встречает сам директор; а в руках у директора цветы и бесплатные для всех для нас билеты! И все там артисты – и которые люди, и которые львы, медведи, лошади, – все тебе, Устинья, кланяются. Благодарят за Миньку!

Пятаков, войдя в раж, даже сам отвесил поклонов; даже сам, сложив пальцы щепотью, как бы преподнёс цветок Устинье, и она совсем тут заулыбалась:

– Не выдумывай, не выдумывай... А вот если встречаться мне с Минькой хоть нечасто, да разрешат, то насчёт цирка – я согласная. А ты, Миня, согласный? Ты без нас не соскучишься?

И лежащий калачиком Минька то ли вдруг всё понял, то ли просто отзываясь на ласковый голос,

но – встряхнулся, приподнялся, наморщил чёрный носик и, как на окне с геранью, чихнул.

– Согласен! Не соскучится! – засмеялись ребята и давай Миньку тормошить.

И на этот раз он маленько разыгрался, и Устинья ни на кого больше не сердилась. Да и как тут было сердиться, когда такой трудный для неё вопрос – что дальше делать с Минькой – оказался почти уже решённым.

А тут ещё самый шустрый из всех шустрых малышей Ромка затеял игру в «шляпу». Мысль о клоунской шляпе не давала ему покоя, и он всё высматривал в избе что-нибудь похожее. Но поскольку Устинья шляп сроду не нашивала и не имела, то

Ромка изобрёл шляпу сам. Он воздел на свои жёлтые вихры Минькину чашку.

– Футы-нуты, ножки гнуты! – прошёлся мальчик козырем по избе, прошёлся вокруг медвежонка, а медвежонок привстал столбиком: «Что это, мол, вытворяют с моей чашкой?» И лишь только чашка упала, сгрёб её лапами, напялил на одно ухо, набекрень.

Все так и покатались, всем опять стало весело:

– Миньку в цирк примут обязательно!

А потом Пятаков сказал:

– Всё! Делу – время, потехе – час... Готовь его, Устинья, завтра поутру в путь. Тебе коров доить, а я после дежурства весь день свободный. Вот с первым автобусом его и отвезу. А насчёт Шарапа – не сомневайся... Посажу на цепь; не веришь – утром глянь.

И хозяйка сказала, что теперь верит, и, когда сторож и ребятишки ушли, принялась готовить Миньку к завтрашнему отъезду.

Подготовка была не слишком большая. Просто-напросто Устинья решила Миньку вымыть.

– А то как же так? – рассуждала она, гремя печной заслонкой и вытягивая на шесток чугунок с тёплой водой. – А то как же так? Ехать в областной центр, ехать на такую хорошую службу и – немытому. Нет, Минюшка, мы сейчас сделаем с тобой всё, как у людей. Вымоемся, обсушимся, и будешь ты у меня писанный красавец! Никто в городе, в цирке, не скажет, что мы из деревни, что мы некультурные...

Мытьё медвежонку было не впервой. Он только не любил залезать в корыто один, без Кружечки. Поэтому Устинья мыла их вместе и на этот раз. Правда, Кружечку она лишь побрызгала, а вот Миньку поливала из ковша тёплой водой и так и этак. Она терла ему мокрые бока, спину, брюшко и опять всё приговаривала:

– Умница ты у меня... Славник ты у меня... Теперь уши давай... Теперь пятки давай... Потрём пятки.

И сидящий в корыте медвежонок ей вновь, как тогда на дороге, стал казаться похожим на человека. И она вдруг опять расстроилась: «Что-то его, бедолагу, там, у чужих людей, ожидает?»

Расстроилась настолько, что уgomониться в эту ночь всё не могла и не могла. Она лежала, слушала, как у себя под лавкой на сухой подстилке медвежонок и собачка всё тоже что-то ворочаются, всё тоже вроде как беспокоятся и беседуют. Медвежонок негромко порывается, и, возможно, он таким способом уже приглашает Кружечку побывать у него на новом местожительстве в гостях; а Кружечка с ласковым урчанием подтверждает: «Р-разумеется, р-разумеется... Вместе с хозяйкой, и не один р-раз!»

Беседу такую Устинья, конечно, всего лишь вообразила. Но как только вообразила, то ей и самой стало чуть полегче, и, засыпая, она сама прошептала в темноту:

– Конечно, будем видеться, конечно...

Наутро, когда над крышами деревни ещё только-только начинала всплывать золотая горбушка солнца, к избе Устиньи уже торопливо топали гуськом, держали строй этакой лесенкой невеличка Дунечка, чуть больший Ромка, ещё больший Тошка и совсем почти большой Лёшка.

Дунечка держала в руках свою старенькую панамку с голубым бантом; Ромка прятал за пазухой полосатые детские брючки. То и другое – ясно, что было припасено для медвежонка. Припасено на тот случай, если для него в цирке подходящих штанов и шляпы сразу не отыщется. А припасали всё это Надины ребятишки наверняка без самой Нади, – и теперь шли-поспешали да всё оглядывались.

Но вот и крыльцо Устиньи, но вот навстречу и Пятаков.

На Пятакове солдатская фуражка, глаза из-под фуражки весёлые, усы – торчком. А за плечами корзина, вернее, не корзина, а целый подвесной кузов с плетёной крышкой.

– Во! – сказал Пятаков. – Могу усадить всех вместе с Минькой!

– А мы хоть сейчас... – улыбнулись ребятишки и давай барабанить к Устинье в дверь.

– Открываю, открываю... – ответила заспанным голосом Устинья, звякнула щеколдой, и через прохладные сени все ввалились в избу.

– Ну, – сказал бодрым голосом Пятаков, – давай своего артиста сюда!

Ромка с Дунечкой заглянули под лавку первыми, но что-то под лавкой никого не увидели.

– На кухне, значит... – сказала Устинья.

– Значит, в прятки с нами решили сыграть... – снова улыбнулись ребята, и все пошли на кухню за ситцевую шторку.

А как шторку раздвинули, так и ахнули.

В кухонное неширокое окошко задувал ветерок. За кухонным окошком качались раскрытые рамы. На подоконнике сидела Кружечка, весело шевелила хвостом, глядела в зелёный гуменник, а по гуменнику, по траве, взмётывая маленькими, крутыми радугами

светлую росу, мчался, уходил, наддавал, летел косолапым галопом Минька.

Он мчался к изгороди, к овсяному за ней полю.

Он мчался к высоким за овсяною гладью соснам – уходил, не оглядываясь, прямо в родной, просторный, освещенный утренним солнышком лес.

– Минька, подожди! – замахала было панамкой Дунечка.

– Держи его! – закричали было мальчишки.

– Ой, держите его, держите! – закричала Устинья.

А Пятаков спустил с плеч корзину, сел на неё и давай ни с того ни с сего хохотать.

– Что смеёшься? Сам, наверное, всё и подстроил? – набросилась Устинья на старика, а он утёр весёлые глаза, ответил:

– Ничего я не подстраивал... А это нам Минька всё ж таки доказал, что он – медведь. Самый что ни на есть вольный, самый что ни на есть настоящий! Духом, пострел, почуял, что Шарап на цепи; мигом смикитил, что нам за ним не угнаться, и – раз, два! – и в окошко.

– Да кто ж ему этот путь показал?

– А по всему видно, Кружечка... Она с ним дружила намного лучше нас.

– Чем лучше? – опешила, даже обиделась Устинья.

– А тем, что нам он был – забавой, а для Кружечки – совершенно равным товарищем-другом. А друга возле себя силком не удерживают. А если другу нужна воля, то и помогают ему туда найти

дорогу. Вот Кружечка и помогла... Рамы, как дверь, торкнула; Минька, поди, следом тоже торкнул, крючок – долой! – и вот он лес, вот она родимая воля!

– Опять сочиняешь? – не поверила Устинья.

– Должно быть, чуть-чуть и сочиняю... Но всё равно всё это похоже на правду.

– Похоже! – зашумели ребяташки. – Очень! Вон и Кружечка смотрит, будто говорит: «Так оно и было!»

– Ну а раз говорит, то, возможно, и в цирк сама вместо Миньки поедет? – пошутил Пятаков.

– А это ещё как сказать! – мигом подхватила собачку на руки Устинья. – Это совсем уже другое, и решать тут мы с ходу не будем ничего...

– Пускай на это ответит тоже сама Кружечка! – закивали, засмеялись ребяташки.

Днём, при ясном солнышке

Осенним днём Таня и Дашутка играли дома. С работы, с колхозной фермы, прибежала мать. Она встала у порога и, высоко прижав к себе свёрнутый кульком фартук, сказала:

– Угадайте, что принесла?

Старшая Таня ответила сразу:

– Куклу! Забежала по пути в сельмаг и купила куклу.

А маленькая Дашутка сперва подумала, потом счастливо засмеялась:

– Телёночка!

– Эх вы! Никоторая не угадала... Кукол у вас и так не счесть, телят в эту пору не бывает, а принесла я вам от соседки Маруси вот кого...

Мать осторожно присела, раскрыла фартук, и оттуда, цепляясь коготками, выкатился преудивительный котёнок. Весь он ярко-ярко-жёлтый, с розовым оттенком, а всего чудесней у котёнка глаза. Будто на пол упал ворох осенних листьев и теперь смотрят из этого вороха на девочек два зелёных, рассерженных жука.

Но вот глаза-жуки подобрели, котёнок опомнился, мягко проскакал по золотым от солнца половицам в темноту под стол. Он мигом нашёл там порожнюю катушку и очень деловито покатил её через всю избу к печке, от печки назад к столу, от стола опять к печке.

– Вот каким сразу стал хозяином! Вот какой молодец! – снова засмеялась мать.

Девочки так и запрыгали:

– Молодец! Молодец! А как его зовут?

– Придумывайте.

Имя котёнку придумывали всем семейством. Даже когда с поля на обед приехал отец и когда все сели за стол, то и за столом придумывали.

– Давайте котёнка по масти назовём – Палешок. Палевый, значит... – сказала мать. – Палешок – имя красивое, ласковое.

– Красивое, да всё равно какое-то не очень понятное, – возразила Таня. – Уж лучше – Мурлыкиным. Вон он на солнышке, на подоконнике угрелся, калачиком свернулся и, совсем как издавека папкин мотоцикл, намурлыкивает.

– Мурлыкин не имя! Мурлыкин – фамилия! – заспорила Дашутка, хотя сама ничего лучшего пока ещё не придумала.

А отец сидел за столом рядом с матерью, рядом с девочками, хлебал щи, спор слушал. Послушал, послушал, наконец сказал:

– Да назовите Васькой – и шабаш! В деревне у всех коты – Васьки, пусть и наш будет Васькой. Подумаешь, делов-то... Ну а я помчался на работу опять!

И он надел кожаную кепку, вышел за дверь на улицу, завёл там мотоцикл, и тот сначала с грохотом, треском, а потом и впрямь со всё удаляющимся мурлыканьем умчал отца снова куда-то в полевые просторы.

Но и Васькой назвать котёнка девочки не согласились. Мать также не согласилась. Собираясь после обеда на ферму, она сказала, что колхозные коровы и те имеют каждая свою особую кличку – то Бурёнка, то Ромашка, то даже и Звёздочка, так зачем же в этом обделять и деревенских котишек. Они ведь тоже все разные.

– Нет, вы подумайте, девочки, ещё.

И девочки остались с котёнком одни и стали думать ещё.

Но так как были маленькие, то думали недолго. Они стали с котёнком играть и манить его: «Кис-кис!»

На этот зов котёнок, конечно, оборачивался, но куда охотнее стал скакать за Таней, за Дашуткой, когда они привязали к нитке бумажку. Шум, весёлый топоток тут поднялся такой, что вскоре все трое упыхались. А как упыхались, то влезли на табуретки и распахнули окно.

Мать сердилась, когда узнавала, что окно без неё открывали, но девочки обе половинки всё равно рас-

пахнули, навалились на подоконник, пристроился тут и котёнок.

Он уселся на самом краю, на самом солнышке, а Дашутка опять стала баловаться с ним. Она, как будто бы мышка, стала поскрёбывать пальчиком, а котёнок стал слушать, на пальчик смотреть.

Смотрел, смотрел, да вдруг и цапнул. И Дашутка ойкнула, рассердилась, шлёпнула котёнка ладошкой:

– Вот тебе! Не царапайся!

А он и ладошку хотел цапнуть.

Тогда Дашутка хлопнула его сильнее, и котёнок разом встопорщился, шикнул сердито на девочек, соскочил с окна в бурые лопухи – и там исчез.

– Что хоть наделала-то?! – закричала Таня, а Дашутка заплакала:

– Я не нарочно!

Суется и толкаясь, они кинулись к вешалке, кое-как, наспех, напялили пальтишки, сунули босые ноги в резиновые сапоги, выскочили на крыльцо, на холодный сквозняк.

Ветер сразу принялся трепать распахнутые одёжки; но Таня и Дашутка, пригибаясь и держа платки за длинные концы, всё равно побежали вокруг избы и за калиткой сада, за углом, попали в солнечный затишек.

Ветер пошумливал там лишь в больших, почти голых теперь черёмухах и рябинах. Он крутил слабыми вихорьками палую листву, и ничего, кроме этого шуршания, вокруг не было слышно. Раз или два где-то тенькнула синица, потом опять стало тихо.

– Кис-кис... – позвала плачущим голосом Дашутка.

– Мурлыкин, Мурлыкин! Палешок, Палешок! Васька, Васька! – принялась выкликать Таня, но котёнок то ли не слышал, то ли всё ещё обижался – отзыва не было никакого.

А тут ещё Дашутка добавила:

– Да-а, как же! Станет он тебе откликаться на эти имена. Он ведь знает, эти имена ненастоящие.

И девочки поссорились. Поссорившись, заплакали, а поплавав, помирились, стали котёнка снова искать.

Обшарили лопухи под окном; излазили вдоль и поперёк сырые, пахнущие свежо и резко кусты смо-

родины – вылезли оттуда с грязными коленками, а котёнка так и не нашли.

Девочки весь сад исходили, принимались плакать ещё не раз. Порою под их крики «кис-кис!» ветровой вихрь опять просыпался, подымал упавшие на траву ярко-жёлтые листья, катил их комом через пустые грядки картофельника, и тогда девочкам казалось, что это скачет их палевый котёнок. Они кидались вдогонку, но тут же и останавливались.

И вот когда в саду осталась неосмотренной одна лишь ветхая под рябинами банька, Дашутка вздохнула, боязливо прошептала:

– Ничего не поделаешь, придётся заглянуть в баньку.

– Придётся, – ещё тише согласилась Таня.

И тревога их была не напрасной: в баньке жил-поживал бородатый мокрый мужичок по прозвищу Плюх.

Плюха Дашутка придумала сама. Придумала потому, что летом в знойную пору если у баньки встать, затаиться да как следует прислушаться, то внутри и правда что-то поплюхивало, пошлёпывало.

Отец смеялся, конечно:

– Трусихи! Это половицы там прогнили. Вот через дыры, когда баня не топлена, в неё и забираются от солнцепёка, от жары огородные лягушки. Осенью после уборочной перестелю половицы непременно.

Но девочки всё равно считали, что в баньке живёт Плюх.

У него там тоже свои дела. Он, встав на скамеечку, начерпывает из печного котла воды в цинковое корыто и пускает по корыту кораблики. Устраивает он кораблики из мокрых листьев, которые сощипывает с банных веников. Рубашонка на нём уплёскана, мокрым-мокра и борода Плюха. Она, борода-то, у него тоже как банный веник, только маленький. И когда кто мешает Плюху – например те же лягушки, – то он сердится, бородёнкой трясёт и натопывает босыми ножками по шатким половицам: «Плюх, плюх, плюх...»

Но вот, прячась за косяк, девочки в баньку всё-таки заглянули. Двери в ней нараспашку. Отец решил перед починкой баньку проветрить, и теперь там светло, сухо.

Там лишь звенит, тычется в оконце долгоногий осенний комар, а под оконцем на лавке сидит себе посиживает, разглядывает комара беглый котёнок.

– Вот он где! – обрадовалась Дашутка, но кинуться в баньку не решилась, только из-за косяка поминала: – Кисик, кисик, иди сюда, миленький кисик.

А «кисик» там, на лавке, даже ухом не повёл. Тогда Дашутка стала шёпотом уговаривать Таню:

– Забеги, поймай его... Плюха не видно, Плюх спрятался.

– Мало ли что спрятался, – поёжилась Таня. – Если ты первой Плюха придумала, то первая в баньку и забегай. А я в случае чего стану тебя спасать.

И Дашутка прижмурила глаза, набрала воздуха, совершенно как в омут, кинулась в прохладный предбанник. Из предбанника проскочила к лавке, к оконцу, и пушистый котёнок, не успев мяукнуть, очутился у неё в ладонях.

На улицу Дашутка вылетела стремглав. Хлопая голенищами резиновых сапог, прижимая к себе котёнка, она понеслась прямо по изрытым картофельным грядкам к избе, а Таня мчалась рядом и всё приговаривала:

– Ой, не упади! Ой, только не выпусти!

Дома они стали котёнка наперебой угощать.

Таня подсунула ему кусок ватрушки. Он кусок умял, но когда Таня захотела провести по его пушистой спине ладонью, то сердито напыжился, от Тани отошёл в угол.

Дашутка поставила перед ним полное блюдце молока. Котёнок молоко вылакал, но от Дашутки тоже отвернулся.

Он не стал на неё смотреть даже тогда, когда маленькая Дашутка принялась разговаривать с ним так же ласково, как ласково разговаривает на ферме с коровами мать:

– Ну что-о ж ты... Ну что-о ж... Ну, погляди на меня! Ну, помурлычь... Мы-то ведь для тебя стараемся, мы-то ведь тебя очень любим! Мы даже к Плюху из-за тебя не побоялись войти, а ты всё сердишься... Эх ты, Сердиткин! Эх ты, Хмуркин! Эх ты, Гордей Гордеевич... – И Дашутка вдруг замерла, уставилась на Таню: – Слушай! А ведь его прямо так Гордеем и можно назвать!

– Верно! – засмеялась Таня. – Он Гордей и есть. И пускай у всех коты Васьки, а у нас будет – Гордей! Важный-преважный, ни у кого такого нет.

И тут котёнок уселся, голову поднял, этак бочком, зелёным глазком глянул на Дашутку, глянул на Таню, повёл чинно усишками, в которых застряла белая капля молока, – и замурлыкал!

Как видно, имя Гордей ему очень понравилось.

Содержание

ЧУДО ЧУДЕСНОЕ. Стихи

Ванечка	7
Как до небес добраться	8
Бумажный самолётик	9
Если бы да кабы (<i>Из русских народных сказок</i>)	11
Возвращение слона	14
Сверчок	19
Добрые краски	22
Ветер и Туча	23
Зябкий человечек	26
Дом с колокольчиком	28
Сказка про Яшу	30
Дудочка	34

Вверх по ступенькам	36
Чудо чудесное (Из русских народных сказок)	39
Зёрнышко	41
Жёлтый с красным	46
На улице тенистой	49
Вертолётик-вертолёт	54
Башмаки-простаки	59
Давай подружмся с тобой!	63
Сосна	69
Золотая колыбель	71

ДНЁМ, ПРИ ЯСНОМ СОЛНЫШКЕ. *Рассказы*

Голопятый Минька и Кружечка-белушечка	75
Днём, при ясном солнышке	100

Литературно-художественное издание

Для дошкольного возраста

Серия «ЛУЧШИЕ КНИЖКИ ДЕВЧОНКАМ И МАЛЬЧИШКАМ»

КУЗЬМИН Лев Иванович

ДОМ С КОЛОКОЛЬЧИКОМ

Стихи и рассказы

Ответственный редактор *Н.Н. Родионова*

Художественный редактор *С.А. Карпухин*

Технический редактор *С.А. Грачёва*

Корректор *Н.М. Соколова*

Компьютерная вёрстка *С.А. Карпухин*

Подписано в печать 25.11.2014.

Формат 84x100/16. Бумага офсетная.

Гарнитура «Pragmatica». Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,92.

Тираж 5000 экз. D-LDM-16035-01-R. Заказ № 2443.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака Machaon

119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Тел. (495) 933-76-00, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

Тел. (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

04073, Киев, Московский проспект, д. 6, 2-й этаж

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

ЧП «Издательство «Махаон»

61070, Харьков, ул. Ак. Проскуры, д. 1

Тел. (057) 315-15-64, 315-25-81

e-mail: machaon@machaon.kharkov.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат
детской литературы» ОАО «Издательство «Высшая школа»

170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, д. 46

Тел.: +7 (4822) 44-85-98. Факс: +7 (4822) 44-61-51

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ
от 29.12.2010 г.)

Весёлые, изрывные,
фантазийные стихи и рассказы
известного детского писателя
Льва Кузьмина не только развлекут
вашего ребёнка, но и позволят
ему по-другому взглянуть
на окружающий мир, ведь
вокруг столько всего интересного
и необычного!

**Читайте детям только
хорошие книги!**

